

чему и с какой целью из многообразного и классово неоднородного фольклора отбирал писатель, — все это, в своей основе, вопросы классового осмысления устного и письменного наследия древней Руси.

Если наша наука не раскрыла еще в должной степени классовой дифференциации древне-русского фольклора, то лишь начинается работа и над историческим изучением его собственно художественных элементов. Но уже и на данном этапе работы можно утверждать, что качество и функции многих из этих элементов в фольклоре XI—XVII вв. были иными, чем те, какими они стали в передаче нового времени. На истории фольклорного эпитета это показано А. П. Евгеньевой с большой убедительностью.¹ Отсюда ясно, что сопоставлению сходных поэтических приемов литературы и фольклора должно предшествовать изучение устной поэтики в историческом плане, притом не только со стороны состава и количества тех или иных приемов, но и с точки зрения той функции, какую одни и те же приемы выполняли в фольклоре разных периодов и разных жанров.

При стилистических сопоставлениях книжной и устной фразеологии нередко также упускается из виду, что у писателя и народного поэта была общая почва, на которой оба творили, общий запас художественных средств, который служил тому и другому для воплощения своего замысла. Этой общей почвой был живой русский язык, во всем его классовом и диалектном многообразии, во всех его разновидностях, выработанных различными потребностями исторической действительности.

Уже первые памятники русской письменности показывают, что до-письменный русский язык обладал исключительным богатством лексики, органически присущей ему выразительностью, устоявшейся фразеологией воинской, юридической и дипломатической практики. Элементы всех этих разновидностей живого русского языка, формировавшихся вне книжности, можно извлечь из древнейших документов, памятников законодательства, из летописи, но также и из собственно художественной литературы XI—XII вв.

Изучая „деловой“ язык древней Руси, как он отражен прежде всего в памятниках чисто практического назначения, мы отмечаем в нем не только точность и ясность, но и особую выразительность (которая сейчас ощущается нами как своеобразная „образность“), характерно отличающуюся от специфической „сладости книжной“, но близко напоминающую выразительность устно-поэтического языка.

Когда акад. А. С. Орлов писал, что „вполне литературных произведений дошло до нас немного, и все те художественные манеры, которые были в средневековье, несомненно до нас не дошли полностью,

¹ О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет). Труды Отдела древне-русск. литературы ИЛИ АН СССР, т. VI. Л., 1948, стр. 154—189.